

ИЛАРИЯ ВЕРЕСК

Илария Вереск

Узлы судьбы и кровный
приворот (том2)

18+

Илария Вереск

**Узлы судьбы и кровный
приворот (том2)**

«Автор»

2026

Вереск И.

Узлы судьбы и кровный приворот (том2) / И. Вереск — «Автор»,
2026

Клятва на крови извратилась, превратив мою жизнь в ад. Аристократический клан стёр моё имя из свитков, целители Императорской Академии вышвырнули на факультет боевых ядов, а сокурсницы объявили бойкот. Я осталась одна на самом дне Поднебесной. Единственное, что у меня есть — горький полынный дым и суровый гвардеец Шэнь, рабски привязанный ко мне проклятием Кровного Приворота. Мы заперты в четырёх стенах, ненавидя друг друга. Шэнь идёт на позорные преступления и влезает в долги к синдикатам, лишь бы выкупить прощение за роковую ночь с моей бывшей подругой. Пока внутри закипает ядовитая паранойя, а меридианы ци выжигаются заживо, я открываю тёмные сети знакомств столицы. Новые мужчины, порочный хмельной угар и страсть без обязательств. Я бросаю Шэня в чёрный список, но проклятие крови не отпустить так просто. На обледенелой крыше Обители Ядов Колесо Судьбы сделает свой последний оборот. Око за око. Рана за рану. Жизнь за жизнь.

© Вереск И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1,2,3	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Илария Вереск

Узлы судьбы и кровный приворот (том2)

Глава 1,2,3

Холодные стены и полынная дымка

Каждый шаг давался Линь Хэ с таким трудом, словно к её лодыжкам привязали пудовые чугунные гири. Подошвы старых, стёртых туфель глухо шаркали по влажным, сочащимся склизкой влагой каменным плитам. Этот коридор казался бесконечным, уходящим в самую пасть подземного мира. Вокруг не было ни единого окна, ни одного просвета — только глухие стены из серого, покрытого лишайником гранита и редкие факелы, которые коптили, испуская удушливый, маслянистый дым. Пахло сыростью, плесенью и тем самым сладковато-тошнотворным душком, который всегда сопутствует разложению редких алхимических ингредиентов.

Тяжёлые кованые двери Обители Траволечения и Боевых Ядов захлопнулись за её спиной. Звук получился страшным — глухим, раскатистым, вибрирующим под самым потолком. Металл ударился о металл, и этот грохот эхом пронёсся по переходам нижнего яруса, на миг заглушив даже свист сквозняка. Для Линь Хэ этот стук прозвучал как удар палаческого топора по деревянной плахе. Всё кончено. Мосты сожжены. Этот звук окончательно, беспощадно и грубо отсекал её от прежней жизни. От всего, что она знала, любила и строила годами.

Она невольно зажмурилась, и перед глазами тут же вспыхнули картины её прошлого. Ещё месяц назад она носила ослепительное, сияющее золото халатов. Она была лучшей ученицей среди благородных целителей высших рангов. В Императорской Академии её окружала звенящая, сытая, безупречная роскошь. Её уважали. Ей кланялись провинциальные лекари. Профессора ставили её в пример, а сокурсники искали её расположения, заискивая улыбаясь при встрече. Каждую крупицу этого уважения Линь Хэ зарабатывала годами изнурительной, честной учёбы. Она не спала ночами, заучивая трактаты о движении чистой ци, её меридианы работали безупречно, как часы. И всё это рухнуло за один единственный день.

Прошёл ровно месяц с того рокового утра, когда её мир превратился в тлеющее пепелище. Всего тридцать дней отделяли её текущую нищету от Расколотого Испытания Пяти Стихий. Линь Хэ до сих пор помнила леденящий душу ужас, сковавший её тело в центре сияющей арены. Она стояла перед Советом Наставников, уверенная в своей победе. Её Огненная сфера — идеальное воплощение чистой энергии — должна была подняться к куполу, закрепив за ней высший ранг. Но в самый ответственный момент, когда ци достигла пика, внутри сферы что-то надломилось. По идеальной стеклянной поверхности пошли чёрные трещины. Пламя внутри сферы вдруг начало поспешно темнеть, сжиматься, приобретая грязный, чернильный оттенок. А затем с утробным, утробным воем сфера взорвалась.

Багровое, ядовитое пламя заполнило арену. Оно не грело — оно обжигало ледяным холодом. Запретная тёмная магия, которую Линь Хэ так тщательно, так отчаянно прятала в самых потаённых глубинах своих меридианов, вырвалась наружу. Она сделала это на глазах у всей Империи, на глазах у старейшин и, что самое страшное, на глазах у её собственных родителей.

В ушах до сих пор стоял этот многоголосый крик ужаса. Наставники вскочили со своих мест, активируя защитные барьеры. Старейшины брезгливо указывали на неё пальцами. Но самым страшным ударом стали лица отца и матери. На них не было ни капли жалости, ни тени сострадания — только ледяная, расчётливая аристократическая жестокость. Клан Линь не мог позволить себе иметь дело с тёмным отступником. Позор нужно было смыть немедленно. Глава клана — её собственный отец — прямо в зале суда, не колеблясь ни секунды, взял родовой нож и перечеркнул её имя в священных свитках.

— У меня больше нет дочери, — его голос, прозвучавший в абсолютной тишине зала, был холоднее зимнего льда. — Отныне ты никто. У тебя нет рода, нет титула, нет права на наше имя. Ты изгнана.

Они лишили её всего: денег, слуг, одежды, крыши над головой. Её вышвырнули на улицу, оставив выплывать в этой жизненной грязи в полном одиночестве. А затем, словно этого было мало, её судьбу передали в руки Лорда Ядов. Линь Хэ судорожно сжала ладони под рукавами, когда воспоминание о той встрече заставило её тело покрыться мелкой дрожью. Она помнила его темную, полуподвальную лабораторию. Помнила, как этот жуткий, иссохший старик сво-

ими длинными, покрытыми трупными пятнами пальцами крепко держал её за запястье. Он хмыкал, разглядывая её меридианы, а затем начал вливать в её вены Контракт Целевой Крови.

Это была не просто магия — это было рабство. Чёрные, как смоль, чернила проклятия вьедались под кожу её левого предплечья, выжигая каналы. Линь Хэ кричала, теряя сознание от дикой боли, а Лорд Ядов лишь зловеще шептал над её ухом, обдавая дыханием с запахом гнили:

— Теперь твоя ци принадлежит мне, изгнанница. Твоё тело, твоя магия, каждый твой вздох — всё это собственность факультета Ядов. Добро пожаловать на самое дно Поднебесной. Добро пожаловать в ад.

Когда она пришла в себя, на ней был только этот халат. Простой, сшитый из самой дешёвой и грубой ткани, неприятно колющий кожу. Цвет жухлой травы — цвет тех, кто копается в болотной грязи в поисках ядовитых корней. У неё не осталось ничего, кроме израненной, кровоточащей гордости.

Здесьняя атмосфера буквально давила на неё физически. Вакуум отравленной энергии агрессивно пытался пробиться сквозь её меридианы, заставляя организм каждую секунду тратить остатки сил на глухую оборону. Клеймо Лорда Ядов на предплечье из-за этого пульсировало непрекращающейся, ноющей болью, напоминая, что её тело больше не принадлежит чистым истокам. Но Линь Хэ упрямо подняла подбородок. Она заставила себя сделать глубокий вдох, пропуская через лёгкие этот отвратительный воздух, и шагнула к дверям амфитеатра.

Линь Хэ заставила себя сделать глубокий вдох. Положив ладонь на массивную створку двери амфитеатра, она ощутила, как холод столетнего дерева мгновенно вьелся в её пальцы. Натянув на лицо привычную, отрепетированную годами до автоматизма маску ледяного безразличия и аристократического высокомерия, она толкнула дверь. Массивная преграда поддавалась со скрипом, и Линь Хэ медленно перешагнула порог, входя в полумрак нижнего яруса.

Зала встретила её удушливым, давящим полумраком. Под высоким сводчатым потолком, покрытым многовековой копотью, лениво плавали зеленоватые алхимические светляки духовной ци. Но их блёклое, полудохлое сияние было слишком слабым, оно не могло разогнать вечные сумерки амфитеатра, лишь отбрасывало уродливые, колеблющиеся тени на стены. Воздух здесь был таким тяжёлым, что его казалось можно резать ножом. Он был густо пропитан специфическими запахами этого презираемого места: едким ароматом сушёного болотного папоротника, горькой, царапающей горло пылью аконита и застарелым, тошнотворным духом тлена, который намертво вьелся в гранитные плиты за века тёмных алхимических опытов.

Линь Хэ замерла на верхней ступени лестницы. На одну короткую, отчаянную секунду её сердце пропустило удар, а дыхание перехватило. Маска ледяного безразличия едва не треснула. Её глаза судорожно, с тайной, безумной надеждой скользнули по грубым деревянным рядам скамей, выискивая одну-единственную фигуру. Айрис. Её верную, всегда звонкую, невероятно тёплую Айрис.

Линь Хэ до самого последнего мгновения верила в чудо. Она верила, что подруга окажется здесь, что её сияющее присутствие станет той самой спасительной соломинкой, которая не даст ей окончательно утонуть в этом удушливом кошмаре. В памяти яркой вспышкой промелькнула сцена их последней встречи перед Расколотым Испытанием. Айрис тогда крепко сжимала её ладони, её глаза лучились искренней верой, а голос звенел: *«Я буду там, Линь*

Хэ! Что бы ни случилось, как бы строго нас ни судили — мы пройдем этот путь вместе, слышишь? Я не оставляю тебя!». Линь Хэ судорожно выдохнула, вглядываясь в лица студентов. Она искала этот родной взгляд, готовая расплакаться от облегчения при виде знакомой шелковой ленты в её волосах.

Но скамьи были заполнены чужими, грязными, незнакомыми людьми. Айрис в зале не было.

Острое, ледяное разочарование полоснуло по нервам. Её лучшую подругу на этот презираемый всеми факультет копателей грязи и боевых отравлений так и не взяли. Похоже, Айрис смогла удержаться на верхних, благородных ярусах Обители Траволечения, среди сияния золотых халатов и чистой магии. А Линь Хэ осталась стоять на самом пороге этой грязной бездны в абсолютном, звенящем одиночестве. Клятва Айрис оказалась пустым звуком. Она была представлена самой себе, выброшена на обочину Поднебесной, словно ненужный сор.

Сжав зубы до скрежета, Линь Хэ двинулась вниз по ступеням. Каменная крошка хрустела под подошвами её дешёвых туфель слишком громко в наступившей предлекционной тишине. Стоило ей сделать шаг, как десятки пар глаз уставились на неё. Линь Хэ намеренно выбрала самую дальнюю, неприметную скамью в углу амфитеатра, надеясь раствориться в густых тенях зала, спрятаться от этих липких, колючих взглядов. Но иллюзия уединения разрушилась в ту же секунду.

Стоило подолу её халата коснуться потемневшего от времени дерева скамьи, как сидевшие на этом ряду студентки испуганно и брезгливо встрепенулись. Словно рядом с ними села не сокурсница, а зачумлённая, разлагающаяся заживо или восставший из могилы мертвец, они демонстративно, с нарочитым грохотом схватили свои сумки, свитки и с шумом пересели на соседние ряды. Вокруг Линь Хэ мгновенно образовался вакуум — зона отчуждения шириной в три скамьи.

По залу мгновенно, подобно змеиному шипению, покатился ядовитый шёпот. Каждый смешок колот под лопатку, словно тупая игла. Линь Хэ не шелохнулась, продолжая смотреть прямо перед собой, но внутри всё заледенело от унижения.

— Глядите-ка... Неужели это та самая? Благородная Линь Хэ снизошла до нашего подвала? — прыснула в кулак невысокая девица со шрамом на щеке, косясь на неё узкими, полными злорадства глазами. — Какая честь для нас, простых смертных!

— Она самая, — поддакнула её соседка, с грохотом разворачивая потрепанный справочник по ядам и швыряя его на стол так, чтобы привлечь как можно больше внимания. — Сын генерала вдоволь наигрался с этой породистой куколкой, вышвырнул её из постели, как только запахло жареным, а её благородные родители лишили её имени и вычеркнули из родовых свитков. И вот она приползла к нам в навозе копаться. Думает, если натянула этот чистый халат, то никто не учует вонь её позора? Отступница!

— Смотреть противно на эту высокомерную святошу, — процедила третья, злобно прищурившись и демонстративно сплёвывая на пол в сторону Линь Хэ. — Сидит, спину выпрямила, словно всё ещё во дворце Императора. Ничего, здесь с неё быстро сойдут эту аристократическую спесь. Наша Обитель ломает и не таких гордячек. Скоро будет ползать у нас в ногах, вымаливая каплю противоядия.

Линь Хэ слышала каждое слово. Каждая реплика била под дых, заставляя кровь стынуть в жилах, но её лицо оставалось неподвижной каменной маской из льда. Она смотрела прямо перед собой, на пустую медную кафедру Наставника, и только пальцы, сжатые в кулаки под широкими рукавами, выдавали её истинное состояние. Ногти с такой силой вонзались в кожу ладоней, что она физически ощущала, как под ними проступает горячая кровь. Эта тупая боль отрезвляла, не давала слезам вырваться наружу.

Она была слишком красива для этого убогого, мрачного места. Её идеальная, бледная фарфоровая кожа, утончённые черты лица и безупречно прямая, гордая осанка вызывали у этих оборванных, озлобленных дочерей провинциальных лекарей лишь удушливую, глухую зависть. На факультете ядов красоту презирали, считая её фальшивой маской, скрывающей слабость и гниль.

А вот мужская половина зала реагировала совершенно иначе. Парни — отпрыски обедневших военных кланов и столичные гвардейцы низших рангов — зашевелились и заулыбались, как только Линь Хэ заняла свое место.

— Эй, Шин, глянь, какая куколка к нам спустилась, — негромко присвистнул высокий парень со шрамом на ладони, развалившись на скамье чуть ниже и нагло, не мигая, уставившись на её грудь. — Я бы не отказался проверить, так ли хороши её меридианы, как болтают в казармах Гвардии. Говорят, благородные девицы из высших рангов в темноте светятся от избытка ци. Как думаешь, проверим её сегодня ночью в заброшенном крыле?

— Заткнись ты, придурок! — буркнул его приятель, испуганно втягивая голову в плечи и тупясь в свой свиток. Он затравленно огляделся по сторонам, словно проверяя, не слушает ли их кто-то посторонний. — Ты дурак или жить надоело? Совсем мозги высохли от испарений мышьяка? Забыл, КТО её бывший? Фэн до сих пор командует половиной наших выпусков! Его ищейки повсюду. Если он узнает, что ты хотя бы дышал в её сторону или сально шутил, он тебе меридианы наизнанку вывернет и скормит болотным тварям. Пусть эта падшая девка сидит одна, её позор заразен, к ней даже прикасаться опасно для жизни.

Имя «Фэн», сорвавшееся с чужих грязных губ, обожгло Линь Хэ сильнее, чем вспышка Огненной сферы. В ушах на мгновение оглушительно зашумело, заглушая шорох перелистываемых страниц. *Фэн*. Тот, кто клялся ей в верности под цветущими персиками Императорского сада, обещая защитить от любых бурь, теперь стал пугалом, которым отступники из Обители Ядов пугали друг друга. Он предал её первым, едва Совет Наставников вынес приговор. Неужели его тень будет преследовать её даже здесь, на самом дне Поднебесной? Линь Хэ сильнее сжала пальцы, мысленно возводя вокруг своих чувств ледяную стену. Фэн остался там, наверху, среди сияющего золота халатов. А она здесь. И теперь они враги.

Пока по рядам перекачивались эти волны удушливой ненависти и липкого мужского внимания, двери на нижнем ярусе с грохотом распахнулись. В зал вошёл старый Наставник Гун. Его тяжёлая трость с медным набалдашником глухо, размеренно застучала по гранитному полу: *тук... тук... тук...* Этот звук мгновенно заставил амфитеатр замолкнуть. Студенты испуганно подобрались, выпрямляя спины и поспешно пряча шпаргалки.

— Сели все, — хрипло, прокуренным голосом бросил старик, даже не глядя на притихшую толпу. Он с грохотом опустил на кафедру пыльный, обтянутый человеческой кожей алхимический фолиант. — Сегодня мы открываем раздел боевых отравлений Западных про-

винций. Хватит протирать штаны и тратить мои нервы. Достали свитки, пишем формулу концентрации аконита...

Старик обвёл зал тяжёлым, полуслепым взглядом, от которого у многих перехватило дыхание, и внезапно остановился на девице со шрамом на щеке, которая только что громче всех издевалась над Линь Хэ.

— Эй, ты, потаскуха из клана Чжоу, — Гун резко ткнул в её сторону острым концом трости. — Раз уж у тебя рот не закрывается до начала лекции, назови мне точные пропорции змеиной желчи для стабилизации корня аконита при кипении. Живо. Если ошибёшься — вылечишься сама, без магии.

Девушка со шрамом мгновенно побледнела, её спесь испарилась. Она начала судорожно, со скрежетом листать свой потрёпанный справочник, путаясь в страницах и едва не рвя бумагу дрожащими пальцами.

— Я... я думаю... Наставник... Пропорция должна быть один к трём... Или, может быть, два к одному при высокой температуре... — пролепетала она, испуганно сжимаясь под его суровым, презирающим взглядом.

— Мусор, — выплюнул Гун, и по залу разнёсся его разочарованный, хриплый вздох. Он с силой ударил тростью по кафедре. — Абсолютный, безмозглый мусор. Факультет Ядов утонет в собственной глупости из-за таких, как ты. Минус три балла ци твоему клану. Кто-нибудь в этом Богом забытом подвале вообще открывал свитки до начала лекции, или вы все пришли сюда просто сдыхать?

Линь Хэ опустила глаза, глядя на чистый пергамент. Она знала точный ответ. *Один к четырём. Причём желчь должна быть взята у болотной гадюки, пойманной строго в период осеннего равноденствия, и вливать её нужно по капле каждые три удара сердца, иначе яд мгновенно разъест медный котел и превратит легкие алхимика в кашу.* Этот ответ родился в её голове автоматически — сказывались годы лучшей учёбы в Императорской Академии.

Ей безумно, до дрожи в коленях хотелось встать. Хотелось чётко, громко, с идеальным аристократическим произношением выдать эту формулу, заставив старого Наставника заткнуться, а этих провинциальных тварей — задохнуться от собственной беспомощности и зависти. Ей хотелось доказать, что даже на дне она остаётся лучшей. Но Линь Хэ переборола этот порыв. Она крепче сжала деревянное перо. Она слишком хорошо понимала: покажи она свои знания прямо сейчас, это вызовет лишь новую, ещё более агрессивную волну ярости и издевательств. Изгоев здесь не любили, а умных и красивых изгоев ненавидели вдвойне.

монотонный, скрипучий голос Наставника Гуна продолжал плавать под сводами амфитеатра, смешиваясь с шорохом перьев по бумаге и ленивым потрескиванием. Линь Хэ сидела неподвижно, уставившись в пустой лист своего свитка. Чернила на кончике её пера успели окончательно засохнуть, превратившись в тёмную, глянцевою корочку, но она не находила в себе сил сделать даже первую запись. Каждый вдох в этой душной, пахнувшей тленом зале давался с трудом. Меридианы в её левом предплечье глухо, мучительно пульсировали — Контракт Целевой Крови, намертво запечатанный на её коже чёрным клеймом Лорда Ядов, забирал слишком много духовных сил на адаптацию к новому факультету. Защитные барьеры её организма трескались по швам от грязной местной энергии.

Внезапно по левую руку от неё раздался тихий, нарочито небрежный шорох шёлка. Кто-то бесцеремонно опустился на пустую скамью прямо рядом с ней — в ту самую «зону отчуждения», которую все остальные обходили стороной.

Линь Хэ не повернула головы. Она лишь сильнее сжала зубы, ожидая очередной порции издевательств или грязных шёпотков. Но сосед не спешил язвить. Он лениво развалился на грубой деревянной скамье, подпер подбородок ладонью и стал открыто, с вызывающей улыбкой рассматривать её идеальный, точёный профиль.

— Знаешь, — негромко, с мягкой и дерзкой усмешкой произнёс он, косясь на кафедру Наставника, — эта старая плесень Гун будет бубнить про процентное соотношение аконита и змеиной желчи ещё часа два, не меньше. Его лекции усыпляют даже боевых гадюк в подвалах. Ты ведь Линь Хэ, верно? Слышал о твоём... ярком выступлении на площади. Картинка была захватывающая.

Линь Хэ медленно повернула к нему лицо. Её взгляд был мёртвым, ледяным блоком, который обычно заставлял трусливых сокурсников тупиться в пол и испуганно отсаживаться. Но парень даже не моргнул. В его глубоких карих глазах горел опасный, весёлый огонёк, а тёмные волосы были растрёпаны так, словно он только что вернулся с тренировочного плаца после тяжелого боя. На его халате цвета жухлой травы не было благородных вышивок, но сидел он на его широких плечах безупречно. От него веяло странной, дикой уверенностью.

— Если ты пришёл сюда, чтобы попрактиковаться в остроумии за мой счёт, гвардеец, то лучше найди себе другой ряд, — процедила она, и её голос звенел как надломленная сталь. — Здесь и без тебя слишком душно. Оставь меня в покое.

Парень тихо, бархатисто рассмеялся. Этот смех неожиданно показался Линь Хэ странно тёплым посреди этого ледящего sklepa сокурсниц. В нём не было той ядовитой слизи, к которой она успела привыкнуть за последние дни.

— Попрактиковаться в остроумии? Ну уж нет, — он перевёл взгляд на её губы, и в его глазах промелькнуло чистое, мужское восхищение, смешанное с азартом. — Мне плевать на то, о чём кудахчут эти провинциальные курицы на верхних рядах. Я Ариан, кстати. И я просто вижу, что ты сейчас либо упадёшь в обморок от этой вони, либо кого-нибудь убьёшь своим ледяным взглядом. Пойдём отсюда. Кой-что покажу. Здесь неподалеку есть место, где можно дышать.

— С ума сошёл? — Линь Хэ едва заметно нахмурилась, покосившись на Наставника, который как раз засыпал какой-то серый порошок в медный котел на кафедре. — Гун лишает баллов цз за малейший шорох. Если он поймает нас на побеге, это конец.

— Гун слеп как крот на левый глаз, а правым видит только свои склянки, — Ариан заговорщически подмигнул ей, и его загорелые пальцы на долю секунды коснулись широкого рукава её халата. — Доверься мне, падшая отличница. Рискнём? Или ты привыкла только следовать правилам, которые тебя же и растоптали?

Линь Хэ замерла, уставившись на его пальцы на своем рукаве. От этого легкого, почти невесомого прикосновения по руке пробежал странный импульс, заставив Клеймо на предплечье на мгновение затихнуть. Никто в этом зале не рискнул бы даже подойти к ней. А этот безум-

ный гвардеец сидел вплотную, обдавая её едва уловимым запахом дорожной пыли и чистой энергии.

— Если нас поймают, я скажу, что ты взял меня в заложники, — едва слышно прошептала она, но в её глазах впервые за день промелькнула живая искра.

Этот мимолётный, дерзкий призыв к бунту неожиданно отозвался в её меридианах горячей вспышкой. Давление зала, шёпот за спиной и удушливый запах папоротника стали абсолютно невыносимыми. Линь Хэ коротко, едва заметно кивнула. Выждав момент, когда Наставник отвернулся к алтарю, Ариан бесшумно скользнул к узкой боковой двери, укрытой портьерой. Линь Хэ последовала за ним, чувствуя, как адреналин бьёт в виски. Секунда — и тяжёлая створка закрылась за ними, отрезая их от гудящего амфитеатра.

Они вышли во внутренний двор Академии Ядов — заброшенное, дикое место, куда редко заглядывали патрули Императорской Гвардии. Архитектура этого места подавляла: вокруг громоздились обломки древней каменной пагоды, чьи ярусы когда-то стремились к небесам, а теперь были расколоты временем и заросли плотным, серым, сочащимся влагой мхом. Здесь завывал пронизывающий осенний ветер, заставляя сухие чёрные листья с тихим шёпотом кружить над растрескавшимися гранитными плитами.

Линь Хэ с наслаждением подставила лицо под ледяные потоки, смывая с себя липкое ощущение позора. Ветер трепал её волосы, но холод приносил долгожданное, почти физическое исцеление — ледяной воздух остужал капли пота на её шее. Ариан прислонился спиной к полуразрушенной гранитной стене пагоды, не сводя с неё внимательного, оценивающего взгляда.

— Хрупкая... но со стальным стержнем внутри, — негромко произнёс он, вытаскивая из глубоких складок своего плаща две тонкие, аккуратно скрученные палочки тёмно-серого цвета. — Держалась там, в зале, как королева на плахе. Держи. Это спасет твои легкие.

— Что это? — спросила Линь Хэ, с недоверием посмотрев на палочку, обхватив себя руками за плечи от пробравшего её костяного озноба. В её благородном прошлом курение сушёных трав считалось уделом нищих бунтарей или беглых наёмников.

— Успокаивающая сушёная полынь, — Ариан чиркнул кремнем, искра на миг ярко осветила его резкие скулы и прямую линию носа, и кончик его палочки затеплился слабым фиолетовым огоньком. В воздух пополз густой, горьковатый, сизый дым. — Редкая штука среди наших алхимиков. Отлично глушит трупные испарения подвалов и расслабляет зажатые каналы ци. Давай, затянись, полегчает. Я знаю, о чем говорю.

Он протянул ей дымящуюся палочку. Когда Линь Хэ перехватывала её, их пальцы снова соприкоснулись, и от этого простого тактильного контакта по её коже пробежала странная, хмельная дрожь. Она поднесла полынь к губам, сделала глубокую затяжку и прикрыла глаза. Горький, обжигающий дым мгновенно проник в лёгкие, вступая в яростную борьбу с ледяным холодом Контракта Целевой Крови и растекаясь по меридианам горячей, умиротворяющей волной. Та самая липкая, давящая паника, которая мёртвой хваткой держала её за горло весь этот месяц после суда родителей, начала медленно отступать, растворяясь в фиолетовом дыме. Зжатые каналы ци начали раскрываться, пропуская тепло.

— Ну как? — Ариан улыбнулся, глядя на неё сквозь полынный туман. В лучах блёклого, холодного солнца его резкий, мужественный профиль казался невероятно притягательным. В нём была та дикая свобода, которой Линь Хэ была лишена всю жизнь.

— Горько... — тихо ответила Линь Хэ, выпускала струйку сизого дыма. — Но внутри... внутри наконец-то стало тихо. Спасибо, Ариан.

— Я же говорил, — он шагнул к ней чуть ближе, и его голос опустился до вкрадчивого шёпота, от которого по спине побежали мурашки. — Ты совсем не похожа на этих серых крыс из амфитеатра, Линь Хэ. Ты горишь, даже когда падаешь на самое дно. Мне чертовски нравятся такие девчонки. Рисковые. Живые.

Смотря на его дерзкие, зовущие губы и чувствуя, как хмель сушёной полыни окончательно обволакивает её уставший разум, Линь Хэ поймала себя на дикой, пугающей мысли. В её иссушённом сердце, истощённом целым годом удушливого, искусственного плена с Шэнем, впервые за долгое время ярко и грязно вспыхнуло желание чистого, животного секса. Ей не нужна была любовь — любовь принесла ей только предательство Фэна. Любовь пахла кровью её разбитого сердца и шёлком высших рангов, который её предал. А Ариан... Ариан пах горьким дымом, костром и опасностью. Ей хотелось просто выжечь эту удушающую боль чужим, горячим телом. Забыться хотя бы на один час, раствориться в чужих руках, чтобы не думать о завтрашнем дне.

Ариан, словно почувствовал, как изменилась её аура и как потяжелело её дыхание, злое, понимающе усмехнулся. Он перехватил у неё полынную палочку и хладнокровно потушил её о гранитный бок пагоды, не сводя с Линь Хэ потемневших глаз.

— Здесь слишком сыро, а патрули стражи Гвардии шныряют по внешнему периметру каждые полчаса, — он наклонился к самому её уху, так близко, что Линь Хэ ощутила жар его кожи и прерывистое дыхание. — Пойдём ко мне в общагу. На моём ярусе в нижних общих кельях сейчас никого нет. Будем только ты и я. Никаких лишних глаз.

Линь Хэ сглотнула подступивший к горлу комок, её взгляд потемнел от хмеля и проснувшейся дерзости. Она устала быть жертвой. Она коротко кивнула:

— Веди.

Каждый шаг по жилому корпусу Обители Боевых Ядов отзывался в сознании Линь Хэ липким, гнетущим страхом. Они почти бежали по сырым, тёмным лабиринтам переходов. Стены здесь плакали — по серому камню непрерывно текли струйки ледяной, солоноватой воды, оставляя после себя уродливые разводы белесой соли. Коридоры были настолько узкими, что Линь Хэ то и дело задевала плечом выступы кладки, содрогаясь от мысли, сколько веков эти камни впитывали яды. Редкие прохожие — испытые, измождённые студенты с землистым цветом кожи — шарахались от них, забиваясь в глубокие ниши стен. Каждое случайное столкновение плечами, каждый мимолётный обмен испуганными взглядами подстегивали кровь, заставляя адреналин бешеными толчками циркулировать по её израненным меридианам.

Келья Ариана оказалась тесной, убогой, мрачной комнатухой на самом нижнем, полуза-топленном ярусе. Воздух здесь был неподвижным и тяжёлым, намертво пропитанным запахами дешёвых горьких масел, которыми гвардейцы смазывали свои доспехи, застарелой сыростью

и резким, будоражащим мужским потом. Единственным источником света было крошечное, забранное ржавой решёткой оконце под самым потолком, через которое едва пробивался серый свет угасающего дня. Единственная мебель — грубо сколоченный деревянный стол, заваленный обломками тренировочных мечей, и жесткий походный матрас в углу, брошенный прямо на ледяной каменный пол.

Едва тяжёлый деревянный засов на двери защёлкнулся с характерным, оглушительным стуком, Линь Хэ резко обернулась, прижавшись спиной к створке. На одну короткую секунду её аристократическая гордость взбунтовалась. В голове жутким контрастом вспыхнули воспоминания о её собственной комнате в Императорской Академии — просторной, залитой мягким солнечным светом, обставленной изящной мебелью из чёрного сандала, где пахло дорогим благовонием из лепестков белого лотоса. И вот она здесь, в конуре нищего солдата, готовая отдать своё тело первому встречному, кто проявил к ней каплю тепла. Маска ледяного безразличия затрепетала.

Ариан заметил это секундное колебание. Он остановился в двух шагах от неё, медленно развязывая завязки своего плаща. Его карие глаза потемнели, в них больше не было весёлого огонька — только тяжёлое, голодное мужское вожеление, смешанное с вызовом.

— Что, принцесса, слишком убого для тебя? — тихо, с хрипотой в голосе спросил он, сделав шаг вперёд и заставив её вскинуть голову. — Слишком воняет грязью и дешёвым бытом? Если хочешь уйти — уходи. Прямо сейчас. Засов открыт, я не стану тебя держать. Возвращайся в свой амфитеатр, терпи плевки этих провинциальных тварей. Но если останешься... забудь, кем ты была там, наверху. Забудь свои титулы, свои шелковые платья и свои благородные привычки. Здесь нет Линь Хэ из высших рангов. Здесь есть только мужчина и женщина. Рискнёшь? Или гордость всё-таки дороже жизни?

Линь Хэ задохнулась от его дерзости. Её сердце колотилось в груди так сильно, что казалось, оно вот-вот проломит рёбра. Обида, злость на весь мир, предательство родителей и удушающая пустота одиночества слились внутри неё в один безумный, неуправляемый вихрь. Ей не нужно было его сочувствие, ей не нужна была его жалость — жалость уничтожила бы остатки её достоинства. Ей нужно было забыться. Стереть из памяти этот проклятый день.

Вместо ответа она сама сделала шаг навстречу, сокращая разделявшее их расстояние до минимума, и уверенно положила ладони на его широкую, обтянутую грубым халатом грудь. Этот жест, полный отчаянной решимости, сорвал с Ариана последние крохи контроля. С глухим рыком он резко, без лишних слов прижал её спиной к холодной каменной стене, отчего штукатурка посыпалась на её волосы. Его огромные, горячие ладони мёртвой хваткой легли на её талию, притягивая к себе, и он хладнокровно, голодно смял её губы требовательным, обжигающим поцелуем.

Линь Хэ ответила с яростью и иступлением утопленника, хватящегося за спасительный обломок корабля. Она впивалась пальцами в его плечи, её ногти рвали ткань халата цвета жухлой травы, стремясь почувствовать живое, горячее человеческое тепло. В эту раскалённую секунду её разум полностью, абсолютно очистился. Она заблокировала в сознании мысли о Фэне, стёрла воспоминания о Расколоте Испытании, и полностью, с мясом вырвала из головы образ Шэня. Тот принудительный брак, скрепленный священными Кровными Узами, до сих пор казался ей самым изощрённым кошмаром. Она вспомнила, как Шэнь холодно, победоносно улыбался, когда их кровь смешивалась в ритуальной чаше, связывая их души против её

воли. Каждую ночь в его роскошных покоях она задыхалась от ощущения, что её мысли подслушивают, что её свобода растоптана ради блага клана. Кровные Узы прямо сейчас пульсировали на другом конце столицы, донося до Шэня отголоски её дикого, животного возбуждения, но сейчас Линь Хэ было наплевать. Пусть он чувствует. Пусть знает, как сильно она презирает его и всю его лживую святость. Ей хотелось разрушить эту ментальную тюрьму чужим телом.

Одежда с шуршанием и треском полетела на грязный каменный пол. Ариан увлёк её на жесткий походный матрас. Его поцелуи — хаотичные, обжигающие, пахнущие полыньёю — спускались ниже, к шее, к ключицам, заставляя её выгибаться в его руках. Их тела сплелись в сумасшедшем, раскалённом порыве плоти, готовые перешагнуть последнюю, безвозвратную черту...

Но в самый последний, критический миг всё вовремя прекратилось. Линь Хэ словно обухом ударило по голове. Черное клеймо магического долга на её левом предплечье, скрытое под складками халата, внезапно вспыхнуло изнутри, обожгов кожу ледяной, разрывающей меридианы судорогой. Тёмная, ревнивая магия Лорда Ядов взбунтовалась, почувствовав, как чужеродная, чистая ци Ариана пытается проникнуть в её энергетические каналы во время близости. Чёрные чернила клейма начали стремительно проступать сквозь фарфоровую кожу, закручиваясь в зловещие, пульсирующие багровым светом узоры. Контракт Целевой Крови буквально выкручивал её вены наизнанку, требуя абсолютной верности её проклятию. От острой, нечеловеческой физической боли у Линь Хэ потемнело в глазах, а изо рта вырвался хриплый, задущенный крик. Магия рабства не позволяла ей принадлежать кому-то другому, лишая права даже на мимолётное утешение.

Ариан резко отпрянул, его лицо исказилось от шока, недоумения и первородного страха. Он сам физически почувствовал, как мертвенно-холодная, зловещая и удушливая ци Лорда Ядов волной ударила по его ладоням через её кожу, мгновенно замораживая его собственную кровь в жилах. В его взгляде, ещё секунду назад полном страсти, теперь смешались вождение, ужас и безразличие, с которой люди смотрят на ядовитых змей.

— Постой... нет! Прекрати! — тяжело, со свистом выдохнула Линь Хэ.

Она резко упёрлась ладонями в широкую, покрытую каплями пота грудь ошарашенного гвардейца, изо всех сил отталкивая его от себя. Её всю била крупная, непрекращающаяся дрожь, кожа мгновенно покрылась крупными каплями ледяного пота, а клеймо продолжало гореть, выжигая остатки духовных сил.

— Что случилось? Линь Хэ, ты чего? — тяжело дыша, парень попытался снова перехватить её за плечи, но его движения стали неуверенными. Он с ужасом смотрел на её предплечье, где багровые искры магии буквально пробивали кожу. — Что это за проклятая чертовщина у тебя на руке?! Во что ты меня втягиваешь, падшая девка?!

— Не трогай меня! Убирайся! — её голос сорвался на хриплый, сдавленный шёпот, полный такой боли и ненависти, что Ариан невольно отшатнулся.

Она соскочила с матраса прямо на холодные плиты пола, её колотило как в жестокой лихорадке. Ладони скользили по камню, меридианы стонали от боли. Наспех, дрожащими руками натянув измятый, грязный халат и даже не завязав пояс как следует, Линь Хэ, не говоря больше ни слова, рванула на себя тяжёлый засов. Дерево поддалось со скрипом. Она выскочила

из душной, пахнувшей её позором кельи, оставив Ариана одного среди разбросанной одежды и угасающего света.

Она бросилась бежать по холодным, тёмным коридорам, не разбирая дороги, прямо навстречу пронизывающему ночному туману, который вползал через открытые галереи. Халат развевался, ветер бил в полуобнажённую грудь, остужая горящую кожу, но её душа выла от удушающего унижения. Она осознала страшную правду: её тело больше не принадлежало ей. Лорд Ядов запечатал её меридианы, превратив в вещь, в безмолвную пленницу своего тёмного проклятия. И спасения из этой тюрьмы не было.

Следующие две недели превратились для Линь Хэ в изощрённую, растянутую во времени пытку тишиной и медленным моральным удушением. Хрупкая иллюзия того, что на факультете Боевых Ядов можно просто затеряться в тенях и переждать бурю, окончательно рассыпалась прахом.

С Арианом они больше не разговаривали. Вообще. На лекциях он по-прежнему занимал места на нижних рядах амфитеатра, принимая свою привычную небрежную позу, развалившись на скамье и закинув ногу на ногу. Но его глубокие карие глаза больше не горели тем весёлым, дерзким и манящим огоньком, который так заинтриговал её в первый день. Каждый раз, когда их взгляды случайно пересекались в полумраке залы, Линь Хэ видела в них лишь глухую, тяжёлую обиду, уязвлённое мужское самолюбие и трусливое непонимание. Она читала его мысли как по открытой книге: гвардеец испугался. Испытав на себе леденящее дыхание ци Лорда Ядов, он осознал, в какую опасную бездну едва не заглянул.

Линь Хэ безумно хотелось подойти к нему в пустом коридоре, схватить за грубый отворот халата и хлётко, в лицо объяснить, что это не она отвергла его. Что Контракт Целевой Крови чуть не выжег её энергетические каналы изнутри, защищая тайны Главы Ядов от любого постороннего вмешательства. Ей хотелось крикнуть, что Клеймо карает её физической болью за любую попытку сблизиться с кем-то. Но гордость, мёртвой хваткой сжавшая её горло, и глухой страх за его жизнь затыкали ей рот. Позор отступницы был слишком заразен. Она понимала, что не имеет права утянуть за собой в этот ад единственного человека, который проявил к ней мимолётное человеческое тепло. Линь Хэ просто проходила мимо, крепче сжимая пальцы и высоко задирая подбородок.

Одиночество обступило её плотной, удушливой стеной, сквозь которую не проникал ни один живой звук. И если в первые дни её новые сокурсницы лишь брезгливо и трусливо шептались за её спиной, то день за днём их стадная злоба крепла, подпитываемая её ледяным, высокомерным молчанием. Дочери провинциальных лекарей и знахарей из глухих деревень не могли простить ей ни бледной фарфоровой кожи, ни утончённых, породистых черт лица, ни того, как дерзко столичный гвардеец Ариан выделил её среди всех, сев рядом на первой лекции. Для них она была падшей аристократкой, которую можно было безнаказанно пинать, вымещая всю свою многолетнюю обиду на высшие сословия. Ей объявили тотальный, жестокий бойкот.

Каждое утро Линь Хэ натывалась на стену ледяного, осязаемого презрения. Никто в амфитеатре больше не садился на её ряд — её скамья превратилась в изолированный остров одиночества посреди гудящего улья.

Кошмар преследовал её на каждом шагу, проникая в самые будничные моменты её существования. Прошло всего несколько дней, когда случился первый открытый инцидент в refectorium — огромной, грязной столовой факультета, где пахло пригоревшей кашей и кислыми щами. Линь Хэ, отстояв длинную очередь среди толкающихся студентов, взяла свой скромный деревянный поднос с миской жидкой похлёбки и куском чёрствого хлеба. Повернувшись к залу, она направилась к единственному свободному столу в углу.

Стоило ей приблизиться, как сидевшие за соседним столом студентки во главе с невысокой девицей со шрамом на щеке демонстративно замолчали. Девица со шрамом, ухмыльнувшись, переглянулась с подругами и медленно поднялась со своего места, преграждая Линь Хэ дорогу. Она сделала вид, что убирает со стола свою пустую тарелку, и в самый последний момент, когда Линь Хэ пыталась обойти её, нарочито, с силой выставила локоть вперёд, задев плечо бывшей аристократки.

Удар был расчётливым и резким. Поднос выскользнул из онемевших, ослабевших от недоедания пальцев Линь Хэ. С оглушительным грохотом деревянная утварь упала на грязный, покрытый жирной копотью пол. Миска раскололась надвое, и горячая, мутная похлёбка брызнула во все стороны, пачкая обувь и заливая подол её халата цвета жухлой травы. Кусок чёрствого хлеба покатился по плевам прямо к ногам девицы со шрамом.

По refectorium мгновенно разнёсся дружный, раскатистый, торжествующий хохот десятков глоток. Парни ухмылялись, а девушки откровенно тыкали в неё пальцами.

— Ой, надо же, какая неприятность! — фальшиво, приторным голосом протянула девица со шрамом, издевательски округляя глаза и глядя на Линь Хэ сверху вниз. — Наша благородная госпожа Линь настолько ослабла без своих слуг и золотых приборов, что не может удержать миску с плебейской едой? Какая неуклюжесть! Может, тебе помочь собрать хлеб с пола? Как раз твой новый уровень, отступница.

Линь Хэ не вымолвила ни единого слова. Её лицо оставалось абсолютно неподвижным, словно высеченным из куска могильного гранита, хотя внутри её меридианы скручивались в тугую, горящую петлю от дикого унижения. Она чувствовала, как сотни глаз впииваются в неё, наслаждаясь её позором. Она не стала опускаться на колени и собирать остатки еды под их улюлюканье. Сильнее сжав зубы до боли в челюсти, Линь Хэ медленно развернулась и ровной, гордой походкой вышла из столовой, унося в груди разгорающийся, удушливый пожар бессильной ярости. В тот день она осталась голодной, но её гордость осталась при ней.

Однако травля на этом не закончилась, она становилась всё более изощрённой и опасной. Дошло до того, что сокурсницы начали тайно проникать в её личные вещи. Линь Хэ провела три мучительные бессонные ночи, рассчитывая сложнейшую домашнюю работу по экстракции луноцвета. Из-за повреждённых каналов и Контракта Целевой Крови магия давалась ей с колоссальным трудом — Клеймо непрерывно жгло руку, стоило ей пустить ци по пальцам, чтобы вывести алхимические знаки на пергаменте. Она вложила в этот свиток последние крохи своих духовных сил, надеясь вернуть хоть каплю уважения Наставника Гуна.

В ту ночь она спала чутко, но изнурённое тело подвело её. Линь Хэ проснулась посреди ночи в своей крошечной спальне от странного, резкого, царапающего горло шипения и отчётливого запаха химической гари. Вскочив с жесткой кровати, она в полумраке успела заметить

лишь две серые женские тени, поспешно выскальзывающие из её полуоткрытой двери в коридор. Подбежав к столу, она замерла, и из её груди вырвался тихий всхлип отчаяния.

Её свиток, её трёхдневный колоссальный труд, лежал на деревянной поверхности, залитый едкой, зеленоватой алхимической кислотой. Бумага шипела, покрывалась уродливыми пузырями и буквально на её глазах превращалась в тлеющие, пахнущие гарью чёрные лохмотья. Кислота выедала формулы, уничтожая её единственный шанс на спасение. Линь Хэ пыталась смахнуть жидкость краем рукава, но ткань тут же начала тлеть, обжигая пальцы. Всё было кончено. Её труд уничтожили со злорадным расчётом.

Утром, когда Наставник Гун во время практического занятия медленно подошёл к её столу, тяжело опираясь на свою трость, Линь Хэ лишь молча опустила голову, не пытаясь оправдываться. Она знала, что жалость здесь — это смертный приговор.

— Где твой расчёт концентрации, Линь Хэ? — сурово и требовательно спросил старик, в упор разглядывая её своими полуслепыми, жёсткими глазами. — Факультет Боевых Ядов не терпит ленивых бездельников и изнеженных принцесс. Если ты думаешь, что твоё прошлое имя даёт тебе поблажки, ты ошибаешься.

— Его уничтожили, Наставник, — тихо, но абсолютно твёрдо ответила она, прямо взглянув в его суровое лицо. — Ночью. В мою келью проникли и залили пергамент кислотой.

— Меня не интересуют твои девичьи разборки и оправдания, изгнанница, — хладнокровно отрезал Гун, даже не взглянув на прожжённые, дымящиеся остатки бумаги на её столе. Его голос звенел равнодушием. — Если ты не способна защитить даже собственный свиток, как ты собираешься защищать свою жизнь, когда будешь работать с реальными отравлениями? Мне плевать на твои бывшие заслуги в Императорской Академии. Здесь ты никто. Минус пять баллов к твоему рейтингу. Ещё одна такая пара — и я лично вышвырну тебя на съедение болотным тварям.

Сзади, с верхних рядов амфитеатра, тут же раздался дружный, злорадный смешок однокурсниц. Девушка со шрамом на щеке смотрела на неё победоносно, издевательски прищутив глаза и безмолвно шевеля губами: *«Так тебе и надо, тварь»*. Линь Хэ сжала кулаки под столом с такой силой, что её ногти снова пробили кожу, а свежая кровь закапала на каменный пол. Никто не собирался ей помогать. В этом проклятом подвале она была абсолютно, безнадежно одна.

Но самым сильным, финальным и отрезвляющим ударом, который окончательно растоптал её веру в людей, стало демонстративное поведение Ариана. Вся его мужская дерзость, напускная смелость и бунтарский дух, которыми он так хвастался под пагодой, полностью испарились перед лицом общественного давления. Напуганный тотальным бойкотом курса и не желая портить отношения с лидерами факультета ради «падшей девки», он хладнокровно вычеркнул её из своей жизни. Он проходил мимо по узким коридорам корпуса, упрямо отводя глаза в сторону и ускоряя шаг, словно они никогда не делили полынную палочку и не целовались до безумия на его матрасе. Его трусость и предательство ранили её израненное сердце глубже и сильнее, чем кислота сокурсниц.

Более того, чтобы окончательно закрепить свой новый статус и обезопасить себя, Ариан сделал свой выбор демонстративно, цинично и жестоко на глазах у всего факультета. Он выбрал

себе новую пессию. Это была полная, приземистая, грубая девушка из глухой провинции — дочь местного старосты, который полностью контролировал все крупные поставки редких и опасных трав для лабораторий Обители Боевых Ядов. В этой девице не было ни капли изящества, её халат сидел на ней неряшливо, а её собственная духовная ци была тяжёлой, неотёсанной и грязной. Но за её спиной стояли колоссальные деньги, влияние и связи, которые были жизненно необходимы гвардейцу низшего ранга для продвижения по службе.

Проходя в полдень по заснеженному внутреннему двору Академии, Линь Хэ столкнулась с ними лицом к лицу. Ариан бережно, со шёлковой услужливостью нес тяжелые свитки своей новой деревенской пессии, заглядывая ей в глаза и заискивающе, подобострастно улыбаясь — точно так же, как всего две недели назад он улыбался Линь Хэ под пагодой. Дочь старосты, заметив приближение Линь Хэ, остановилась посреди заснеженной тропы. Она поймала её взгляд и победоносно, издевательски ухмыльнулась, демонстративно и собственнически положив свою пухлую руку на широкое плечо гвардейца, заставляя его остановиться вместе с ней. Ариан даже не повернул головы в сторону Линь Хэ. Он стоял, уставившись в снег, трусливо пряча глаза и делая вид, что этой бледной, измождённой девушки в грубом халате для него вообще не существует. Они прошли мимо, обдав её облаком презрения и шуршанием дорогого шёлка, который дочь старосты носила под халатом.

Линь Хэ замерла посреди заснеженной тропы, словно каменное изваяние. Колочий, ледяной ветер со свистом бил в её бледное лицо, швыряя в глаза хлопья снега, но внутри неё в этот миг что-то окончательно, с сухим и страшным хрустом переломилось. Последняя, глупая и наивная надежда на то, что в этом жестоком мире осталась хоть капля искренности и верности, умерла и рассеялась пеплом. Одиночество и социальный ад Обители Ядов затягивали петлю на её шее всё туже. Она отчётливо поняла: если она прямо сейчас не попросит о помощи, этот грязный подвал поглотит её целиком, уничтожит и сотрёт из памяти Поднебесной. Ей было уже абсолютно плевать на правила, на приличия и на то, что грубый халат мгновенно промокнет от сырости. Линь Хэ медленно, словно подкошенная, опустилась на колени прямо в холодный, глубокий сугроб у обочины тропы.

Дрожащими, полностью онемевшими от лютости стужи руками она залезла в глубокий карман и достала маленький, тусклый кристалл связи — свою последнюю, самую хрупкую ниточку, которая ещё связывала её с прошлым. Слезы, которые она с нечеловеческим усилием сдерживала перед сокурсницами и Арианом последние две недели, наконец безудержным потоком хлынули из её глаз, обжигая замёрзшие щеки и капая на холодную, гранёную поверхность артефакта. Кристалл слабо, неуверенно запульсировал бледно-голубым светом, неохотно откликаясь на жалкие остатки её истощённой ци. Линь Хэ прижала холодную грань камня к дрожащим губам и начала хаотично, задыхаясь от безмолвного плача, набивать ментальное сообщение своей единственной оставшейся подруге — Айрис. Её голос, сорвавшийся на выдох, был похож на предсмертный всхлип:

— Мне плохо... — она зажмурилась, глотая горькие слёзы и чувствуя, как Клеймо на запястье снова начинает ныть от перенапряжения каналов. — Пожалуйста, Айрис, умоляю, давай встретимся. Мне больше некому сказать. Я не справляюсь одна.

Она отправила этот отчаянный зов в пустоту и замерла, продолжая сидеть на коленях прямо в тающем под её телом снегу. Прошла минута, пять минут, десять минут. Ледяной ветер безжалостно обжигал её плечи через тонкую ткань дешёвой одежды, пальцы на руках побелели и потеряли чувствительность, но Линь Хэ не двигалась. Она во все глаза, не мигая, смотрела на прозрачную грань артефакта в своей ладони. Внутренний магический таймер сети безжалостно отсчитывал секунды её последней надежды.

Вдруг кристалл связи коротко вильнул серым огоньком — знак того, что ментальная сеть Обители доставила послание до адресата на верхних рангах. Айрис получила его. Прямо

сейчас, в эту самую секунду, её верная подруга держала кристалл в руках и читала её крик о помощи, находясь в тепле и безопасности высших ярусов.

Линь Хэ затаила дыхание, её сердце бешено колотилось в самом горле, отдаваясь глухими ударами в ушах. *«Пожалуйста, Айрис, ответь. Просто скажи, что ты придёшь, что ты не бросила меня»*, — умоляла она мысленно, сжимая камень так сильно, что грани врезались в ладонь.

Но кристалл оставался абсолютно, зловеще мёртвым. Прошёл долгий, бесконечный час, прежде чем блёклое голубоватое свечение сети окончательно и беззвучно угасло, погружая артефакт в глухую, матовую темноту. Никакого ответа не последовало. Её зов был намеренно, осознанно проигнорирован. Айрис сделала свой выбор — она не собиралась марать свою безупречную репутацию ради дружбы с грязной отступницей.

Линь Хэ осталась сидеть в сугробе совершенно одна, созерцая потухший чёрный камень в своей ладони. Последняя, самая красивая иллюзия верности и дружбы рассеялась пеплом над Поднебесной. Помощи не будет. Никто не придёт её спасти. Маска льда вернулась на её лицо, но теперь под ней не осталось боли — там затаилась мёртвая, выжженная пустыня. Линь Хэ медленно поднялась на ноги, отряхивая снег с грубого халата. Отныне ей придётся выгрызать свою жизнь зубами самостоятельно, используя любые, даже самые грязные и запретные методы, которые может предложить этот проклятый подвал. Она выживет. И заставит каждого из них заплатить за свои слёзы.

Глава 2. Осколки старой дружбы и зеркальные пророчества

АКТ I. ПАКТ НА ОБЛЕДЕНЕЛЫХ СТУПЕНЯХ (ПОЛНАЯ ВЕРСИЯ ДИАЛОГА)

Капли дешёвого хмельного эля, стекавшие по неровным краям глиняных кружек, казались Линь Хэ каплями жидкого свинца. Вкус напитка был отвратительным — горьким, кислым, отдающим прелым зерном и дешёвой спиртовой гарью, но именно эта грубость помогала ненадолго заглушить тупую, ноющую боль в груди. Горло обжигало, желудок сводило спазмом, но долгожданное онемение разума всё не приходило.

Внутренний холод, поселившийся в её энергетических меридианах после двух недель тотального, удушающего бойкота на факультете ядов, въелся так глубоко, что его невозможно было выжечь даже самым крепким столичным пойлом. Этот холод не был физическим — он

шёл изнутри, разъедая каналы ци, заставляя пальцы подрагивать, а мысли — крутиться вокруг одних и тех же унижительных сцен. Каждый взгляд сокурсников, полный презрения, каждое захлопнутое перед её носом лицо в аудитории, каждый шёпот за спиной в коридорах Обители Ядов — всё это скопилось внутри тяжёлым, ядовитым осадком. Ей казалось, что она заражена собственной специальностью, что яд одиночества медленно убивает её изнутри, растворяя остатки гордости.

Они сидели с Айрис на грубых, щербатых деревянных ступенях винтовой лестницы, глубоко внутри заброшенной часовой башни на самой дальней, полузабытой окраине Академии. Древесина под ними была покрыта вековой пылью, которая от сырости превратилась в липкую, серую грязь. Сюда давно не заглядывали патрули Императорской Гвардии — солдатам нечего было делать среди сломанных шестерёнок и прогнивших перекрытий, и только пронизывающий ночной ветер со свистом, напоминающим надрывный плач, бился в разбитые витражные окна. Осколки цветного стекла тускло поблёскивали под ногами, а ветер швырял на подолы их потемневших от влаги плащей первые крупные хлопья мокрого осеннего снега. Снежинки мгновенно таяли, оставляя тёмные, расплывающиеся пятна, похожие на слезы.

В этот вечер всё было иначе. Атмосфера между ними была настолько натянутой, что, казалось, её можно было коснуться рукой. Айрис казалась чужой, словно её подменили, словно в её тело вселился какой-то холодный, равнодушный дух. Она сидела, низко ссутулившись, обхватив колени тонкими, бледными руками с искусанными ногтями, и безразлично смотрела сквозь сизый, горьковатый дым тлеющей полынной палочки в глухую, непроглядную темноту нижнего лестничного пролёта. Полынь должна была успокаивать, но её запах лишь усиливал ощущение заброшенности.

Айрис упрямо, пугающе молчала. Прежняя, звонкая подруга детства, готовая часами делить с Линь Хэ любые девичьи секреты, жаловаться на строгих Наставников и залиvistо, до колик в животе смеяться над высокомерием и нелепой гордостью столичных аристократов, растворилась без остатка. Она словно утонула в ледящем тумане Обители Траволечения, куда её перевели месяц назад. Между ними теперь выросла невидимая, но осязаемая стена, и Линь Хэ физически чувствовала, как с каждой минутой этого тяжёлого, давящего молчания они отдаляются друг от друга всё дальше, превращаясь в случайных прохожих.

— Ты совсем ничего не рассказываешь, — тихо, почти шёпотом произнесла Линь Хэ, медленно крутя в пальцах глиняную кружку. Её собственный голос показался ей чужим, надломленным и слабым, потерявшим прежнюю звенящую уверенность. Ей отчаянно, до боли в горле хотелось, чтобы Айрис просто повернулась, обняла её, как в старые добрые времена, когда они прятались от грозы в оранжерее, и сказала, что всё это временно. Что всё будет хорошо. — Мы не виделись целый месяц, Айрис. Целый месяц... Мне... мне правда было очень тяжело. Ты даже не представляешь, насколько. Факультет ядов — это ад. Настоящий, чистый ад для живого человека. Они все ополчились против меня. Стоит мне войти в лабораторию, как все замолкают. Со мной никто не садится за один стол в трапезной. Я словно прокажённая, словно я уже труп, который забыли закопать...

Айрис даже не повернула головы. Её бледный, тонкий профиль в полумраке башни казался высеченным из куска холодного, безжизненного камня. Ни один мускул не дрогнул на её лице. Она лишь сделала медленный, затяжной глоток из своего кувшина, и этот жест выглядел пугающе механическим, лишённым всяких эмоций, словно у куклы на ниточках. Наконец, она глубоко вздохнула, и этот вздох прозвучал как шелест сухих листьев. Отрешённо уставившись в пространство перед собой, она глухо ответила:

— У каждого свой ад, Линь Хэ. Своя собственная преисподняя. Ты жалуешься на шепотки и косые взгляды? На верхних ярусах целительства от нас требуют безупречной, стерильной ци каждый божий день. Наставники выворачивают наши каналы наизнанку, ища малейшее пятнышко скверны. Я устала. У меня просто нет сил разговаривать, нет сил выдав-

ливать из себя фальшивые эмоции. Твои проблемы с сокурсниками... извини, но они кажутся такими мелкими, такими детскими, когда ты каждый день видишь реальную грань между жизнью и смертью, когда на твоих руках остывают люди, а ты должна улыбаться и качать в них энергию, пока сама не упадёшь в обморок.

Линь Хэ резко сжала зубы, почувствовав, как к горлу подступает горькая, удушливая обида, смешанная с подступившей тошнотой. Слова подруги ударили наотмашь, оказавшись болезненнее, чем весь двухнедельный бойкот всего факультета. *Мелкими? Детскими?* Внутри Линь Хэ вспыхнуло яростное пламя. Ей хотелось кричать во весь голос, хотелось схватить Айрис за хрупкие плечи, встряхнуть её так, чтобы зубы застучали, и заставить наконец посмотреть на себя.

Ей хотелось вывалить на неё всю ту грязь, которую она копила: рассказать, как Ариан — парень, которому она доверяла, — трусливо, поджав хвост, сбежал к деревенской дочери старосты, испугавшись слухов. Хотелось рассказать, как три ночи назад сокурсницы тайно пробрались в её каморку и вылили концентрированную кислоту на её учебные свитки, уничтожив результаты месяцев тяжелейшего, кропотливого труда, над которым она сидела ночами, стирая пальцы в кровь. Ей нужна была банальная защита, тёплое слово, понимание. Но вместо этого она наткнулась на толстый, непробиваемый лёд.

Но между ними продолжала расти эта невидимая, толстая стена отрешённости. Было очевидно — Айрис больше не хотела проводить вместе время, её тяготило присутствие Линь Хэ. Любое, даже самое случайное упоминание имени её собственного парня — угрюмого, резкого пограничного мечника Андрея, которого недавно перевели в столицу, — вызывало у Айрис лишь глухое, раздражённое молчание или нервный тик на левой щеке. Их многолетняя дружба давала глубокую трещину, покрываясь ледяной коркой, и Линь Хэ совершенно не понимала, как этот лёд растопить, не порезав при этом собственные руки.

Но хмель, ударивший в голову, и крайняя степень отчаяния требовали безумных, нелогичных, отчаянных действий. Им обоим нужно было хоть как-то заглушить эту удушливую, сосущую внутреннюю пустоту, пока она не поглотила их остатки разума окончательно.

— Знаешь что? — Линь Хэ резко, порывисто поднялась на ноги, едва не опрокинув свою кружку. Несколько капель эля выплеснулись на грязный пол, мгновенно впитавшись в сухую пыль. В её глазах, сильно затуманенных алкоголем, вспыхнул шальной, опасный, почти безумный огонёк. Накопившаяся обида переросла в открытый бунт против всего мира. — К чёрту это место. К чёрту эту проклятую Академию, к чёрту Наставников с их дурацкими, высосанными из пальца правилами! Шэнь и Андрей сегодня несут ночную стражу у Императорских ворот, я точно это знаю. Они вернутся в свою резиденцию только к самому рассвету, у нас есть уйма времени. Мы сидим тут, в этой пыли, как две нищенки, и хороним себя заживо. Ради чего? Ради одобрения тех, кто нас презирает?

Айрис впервые за весь долгий вечер подняла на неё глаза. В их тёмной, затуманенной глубине на мгновение мелькнул слабый, едва заметный интерес, смешанный с сильным испугом и тем самым привычным, вечным сомнением, которое Линь Хэ знала в ней с самого детства.

— И что именно ты предлагаешь? — тихо, с придыханием спросила Айрис, и в её голосе впервые за долгое время зазвучали живые, испуганные нотки, сорвав привычную маску безразличия. — Сбежать из корпусов ночью? Ты с ума сошла? Нас же с позором отчислят, если поймут нарушившими комендантский час.

— Поехали в их резиденцию, — Линь Хэ решительно запустила руку глубоко во внутренний карман своего плаща и вытащила оттуда тяжёлую, массивную связку железных ключей. Те самые ключи, которые Шэнь в порыве своей слепой, рабской преданности отдал ей ещё месяц назад, надеясь, что она будет навещать его чаще. Ключи со звоном переплелись в её подрагивающих пальцах, и этот металлический звук показался в тишине башни оглушитель-

ным. — Зажжём там свечи. Погадаем на будущее. Как в детстве, помнишь, на старом чердаке? Сделаем вид, хотя бы на пару часов, что мы всё ещё имеем право на обычное, простое человеческое счастье. Хватит быть правильными и послушными девочками. Хотя бы на одну эту ночь. Хватит.

АКТ II. АКТ ЖЕСТОКОСТИ И РАЗРЫВ СО ШЭНЕМ (РАСШИРЕННАЯ СЦЕНА СКАНДАЛА)

Прошла неделя после той ночи, но ядовитые мысли, зародившиеся в часовой башне, не исчезли. Напротив, они окрепли, превратившись в чёткий, холодный план. Линь Хэ понимала: чтобы начать новую жизнь, нужно безжалостно уничтожить старую. Шэнь стоял на пути. Его любовь, подкреплённая Кровным Приворотом [10.4], была слишком сильной, слишком вязкой. Он не принял бы простого отказа. Его нужно было разорвать изнутри, заставить уйти самому, уничтожив его веру в неё.

Был вечер четверга. В каморке Линь Хэ пахло сушёной полыньёю, жжёной костью и сыростью от подтекающего потолка. Пространство было крошечным: узкая кровать, хромой стол, заваленный алхимическими склянками, и один-единственный стул. Линь Хэ стояла у узкого окна, тупо смотря на то, как крупные хлопья снега засыпают внутренний двор Академии. Сердце колотилось в горле. Она знала, что Шэнь придёт с минуты на минуту.

Шаги за дверью. Легкие, быстрые — он всегда спешил к ней, словно на крыльях летел. Дверь тихо скрипнула. Шэнь вошёл, пригнув голову в низком дверном проёме. Его гвардейская шинель была припорошена снегом, щёки горели от мороза, а в глазах светилась та самая чистая, преданная радость, которая в последнее время вызывала у Линь Хэ только раздражение. В руках он осторожно, как сокровище, держал кулёк из плотной бумаги.

— Линь, смотри, что я достал! — его голос был тёплым, глубоким. Он бережно развернул бумагу, являя миру ещё горячий, ароматный пирог с черникой. — Специально бегал к повару на нижние ярусы. Ты ведь почти ничего не ела сегодня, я видел твоё имя в списках трапезной...

Этот жест. Эта бесконечная, удушающая, предсказуемая забота. Вместо благодарности Линь Хэ почувствовала, как внутри неё вскипает волна бешеной, чёрной ярости. Её тошнило от этой правильности. Тошнило от того, что его чувства были ненастоящими, что они были лишь результатом её собственной магии, поводом, который она сама на него накинула, а теперь не знала, как развязать этот узел.

— Забери это, — ледяным тоном произнесла она, даже не повернувшись к нему лицом.

Шэнь замер. Улыбка медленно сползла с его лица, сменившись выражением растерянности.

— Линь? Что-то случилось? Опять сокурсники? Тебя кто-то обидел? Скажи мне имя, я завтра же...

— Меня обижаешь ты! — Линь Хэ резко развернулась на каблуках. Её глаза сузились, лицо исказилось в маске глубокого презрения. — Твоё вечное присутствие. Твоя удушающая, собачья забота! Мне тошно смотреть на тебя, Шэнь. Ты понимаешь это своей тупой гвардейской головой или нет?

Парень отступил на шаг, словно его ударили физически. Бумажный кулёк выскользнул из его пальцев, пирог с глухим стуком упал на грязный пол, черничная начинка брызнула по доскам, похожая на тёмную кровь.

— Линь... я не понимаю... Что я сделал не так? Я ведь люблю тебя. Я готов жизнь за тебя отдать, ты же знаешь...

— В том-то и дело, что ты готов! — закричала она, срываясь на визг. Ей нужно было кричать, нужно было бить словами как можно сильнее, чтобы заглушить проснувшийся внутри голос совести, который умолял её остановиться. — Твоя любовь — это ментальная удавка! Ты жалок, Шэнь! Жалок в своей покорности. Мне не нужен домашний пёс, который заглядывает мне в рот, ловит каждый вздох и ждёт команды «апорт»! Ты лишаешь меня воздуха, ты душишь меня своим существованием!

Чтобы поставить окончательную, кровавую точку в их отношениях, Линь Хэ сделала шаг вперёд. На углу стола стоял небольшой глиняный кувшин для воды — скромный подарок Шэня, который он сам слепил и обжёл для неё на прошлый праздник весеннего равноденствия. Она схватила его за горлышко и с силой швырнула в стену прямо над головой парня.

Глина с оглушительным треском разлетелась на сотни мелких, острых осколков. Один из них чиркнул Шэня по скуле, оставив тонкую, быстро наливающуюся красным царапину. Он даже не сморгнул. Наставники в Обители Ядов учили, что самые опасные токсины действуют незаметно, но Линь Хэ сейчас колола словами, ломая его ментальное здоровье без всякой магии.

— Убирайся из моей каморки! — выплюнула она, тяжело дыша и указывая дрожащим пальцем на открытую дверь. — Забирай свои шмотки, свои дурацкие подарки и никогда больше не смей подходить ко мне на общих построениях. Ты мне противен. Твоя ци вызывает у меня тошноту. Уходи!

Шэнь стоял неподвижно. Царапина на его щеке кровоточила, маленькая капля скатилась по подбородку и упала на воротник шинели. В его широко раскрытых глазах плескалось такое беспросветное, чёрное отчаяние, что Линь Хэ на секунду показалось, будто она падает в обморок от собственной жестокости. Кровный Приворот заставлял его страдать в десятки раз сильнее, чем обычного влюблённого парня — магия буквально выворачивала его душу наизнанку, не позволяя разозлиться в ответ, оставляя только чистую, концентрированную боль.

Но он не стал спорить. Он не произнёс больше ни единого слова. Шэнь медленно, словно глубокий старик, опустил голову, развернулся и на совершенно неслушающихся, ватных на вид руках вышел в коридор, тихо, аккуратно прикрыв за собой дверь, словно боялся побеспокоить её сон.

Как только засов защёлкнулся, Линь Хэ словно подкосило. Она обессиленно рухнула на колени прямо на грязный пол, среди осколков разбитого кувшина и раздавленной черники. Её всю била крупная, неудержимая дрожь. Это было чудовищно. Это было самое подлое, что она совершала в своей жизни. Но внутри, сквозь нахлынувшую вину, пробивалось дикое, пьянящее чувство облегчения. Поводок был перерезан. Она была свободна.

Не давая себе времени передумать, она подползла к столу, схватила личный кристалл связи и активировала зашифрованный модуль воздушной сети Академии. Её пальцы, испачканные в черничном соке, быстро набивали руны, отправляя ментальные послания Андрею. Это была раскаленная, грязная переписка, полная двусмысленных полунамеков, скрытой страсти и обещаний того, о чём приличные девушки даже думать не смели. И суровый мечник, истомившийся от холода Айрис, попался в эту ловушку мгновенно.

АКТ III. АКТ ГРЕХА И ТАНЕЦ НА КРАЮ ПРОПАСТИ (ДЕ ТАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ИЗМЕН)

Логистика их предательства была выверена с точностью до минуты. Обман распределялся по дням недели как идеальный алхимический рецепт, где каждый компонент должен был вступать в реакцию строго в своё время. Любая, даже самая мелкая ошибка — забытая вещь, чужой волос на одежде, изменившийся оттенок личной ци — могла привести к катастрофе.

Но этот постоянный страх разоблачения лишь подливал масла в огонь, превращая их жизнь в сплошной прилив адреналина.

По вторникам и пятницам, когда Линь Хэ уходила на дальние подземные ярусы Обители Ядов для сбора ядовитых грибов и редких лишайников, Айрис тайно приезжала в военную резиденцию. Обезумевший от горя, растоптанный и полностью потерянный Шэнь находил в ней единственное спасение от своего ментального ада. Он не знал, что её приходы — часть грязного пакта. Айрис приносила с собой мягкость, тепло и ту самую целительскую, успокаивающую ци, которая временно глушила боль от приворота Линь Хэ.

Айрис упивалась этой ситуацией. Она принимала его объятия, его робкие, нежные поцелуи, которые изначально предназначались её подруге. Находясь в его постели, зарываясь лицом в его гвардейские простыни, Айрис закрывала глаза и отчаянно заставляла себя верить, что эта суррогатная, ворованная любовь — её собственная. Она заполняла собой пустоту, греясь у чужого костра, пока Шэнь шептал ей на ухо слова благодарности, видя в ней своего ангела-хранителя. Это была иллюзия, построенная на лжи, но Айрис было плевать — её больше не знобило от одиночества.

А по понедельникам и четвергам, когда Шэнь уходил в затяжной ночной патруль у Императорских ворот, наступала очередь Линь Хэ. Сгорая от запретного азарта, она проскальзывала в опустевший дом и направлялась напрямик на половину Андрея.

Там не было места нежности. Андрей встречал её в полумраке своей комнаты, пропахшей табаком, кожей и суровой оружейной смазкой. Его лицо всегда оставалось каменным, но в глазах горел первобытный, хищный огонь. Без лишних слов он прижимал её к стене, его сильные, мозолистые руки гвардейца сдирали с неё верхнюю одежду, сминая ткань.

Линь Хэ отдавала свое тело и остатки своей целительской ци суровому пограничнику на его жестком походном матрасе. Их встречи походили на яростную, жестокую битву, где никто не просил пощады. Андрей брал её грубо, властно, срывая дыхание и заставляя забывать обо всём на свете: о бойкоте, о разбитом Шэне, о морали. Эти ласки, оставляющие тёмные синяки на её бледных запястьях, дарили Линь Хэ долгожданную, пусть и болезненную, иллюзию абсолютной свободы. Она упивалась этой опасностью, падая всё глубже в бездну. Это был танец на самом краю пропасти, под которой кипела лава.

Ни один из мужчин даже близко не догадывался, какая драма разыгрывается за их спинами. Они были лишь слепыми пешками в руках двух измученных, отчаявшихся целительниц, которые завязали такой тугой узел обмана, который в итоге неизбежно задушит их всех.

ГЛАВА 3. НЕЛОВКИЕ ПОЦЕЛУИ И БАРЬЕРЫ ИЗ ЛЬДА

АКТ I. ТЛЕЮЩИЙ УГОЛЬ В ПОЛУМРАКЕ ОРУЖЕЙНОЙ (МАКСИМАЛЬНОЕ КНИЖНОЕ РАСШИРЕНИЕ)

Декабрь Поднебесной в этом году не просто пришёл — он обрушился на столицу Империи подобно карающему мечу небесных Наставников. Тяжёлый, глухой, грязно-серый саван из слежавшегося, скованного первыми лютыми морозами снега окончательно укрыл черепичные крыши, мостовые и величественные пагоды. Зима казалась неестественной, почти магической, словно само мироздание пыталось заморозить, спрятать под толщей льда те грязные, греховные тайны, что бурлили за закрытыми дверями Академии.

Навесы Обители Траволечения, где ещё недавно пахло свежей мятой и сушёной ромашкой, и тёмные, пропитавшиеся едкими реагентами внутренние дворы Боевых Ядов покрылись массивной, зеркальной коркой льда. Из-за этого передвижение между ярусами превратилось в настоящее испытание.

Каждое утро, едва бледное, немощное зимнее солнце лениво поднималось над зубчатыми стенами, ученики обеих обителей, понутив головы, выходили на расчистку территории. Сгибаясь под безжалостными, хлесткими порывами ледяного северного ветра, они судорожно кутались в грубые суконные плащи, прятали обветренные лица в шерстяные воротники и согревали онемевшие, потрескавшиеся пальцы собственным прерывистым дыханием. Но пар, вырывающийся изо рта, тут же превращался в рваные белые хлопья и оседал инеем на ресницах.

Но для Линь Хэ этот леденящий, пронизывающий до самых костей холод больше не имел совершенно никакого значения. Ей казалось, что она существует в какой-то иной, параллельной реальности. Внутри её израненных, иссушенных ядовитыми алхимическими практиками меридианов впервые за долгие, беспросветные месяцы затеплилось настоящее, живое, пульсирующее тепло. Это не было искусственное пламя, порождённое заклинаниями стихии огня или согревающими пилюлями. Это было тепло человеческого присутствия — запретное, ворованное, пахнущее грехом и обманом, но такое необходимое, чтобы просто удерживать рассудок на краю бездны.

Их тайная, смертельно опасная рокировка длилась уже три недели. Поначалу, вопреки всем липким ночным кошмарам и приступам паранойи, всё складывалось на удивление круто и гладко. Лабиринт обмана, выстроенный ими с Айрис на обледенелых, полусгнивших ступе-

нях заброшенной часовой башни, работал с безупречной точностью старинного часового механизма. Каждая из подруг по-своему, жадно, исступлённо, на грани истерики проводила время в стенах огромной, мрачной военной резиденции гвардейцев. Они упивались бешеным приливом адреналина, необходимостью постоянно шифроваться, путать следы своей ци и, самое главное, близостью мужчин, которых они так дерзко, безжалостно присвоили себе за чужими спинами.

Для Линь Хэ время, проведённое на половине сурового пограничного мечника Андрея, было наполнено особенной, звенящей и почти осязаемой атмосферой. Здесь всё было пропитано чисто мужской, суровой, даже грубой энергетикой. Пространство дышало покоем пограничных застав — здесь не было той удушливой, наркотической тяжести, той вязкой, липкой и фальшивой преданности, которая всегда, черной тенью сопровождала её Кровный Приворот со Шэнем. С Шэнем всё было предсказуемо до тошноты; его любовь была клеткой, в которой она задыхалась.

С Андреем же всё было иначе. Это были совершенно иные отношения — чистые, глубокие, долгожданные в своей недоступности и оттого такие желанные. Отношения, в которых Линь Хэ не была госпожой, управляющей послушной марионеткой, а была просто женщиной, ищущей защиты и тепла у сильного мужчины.

Они часами сидели в его полумрачной оружейной комнате. Это было небольшое помещение с низким каменным потолком, где пахло калёным металлом, горьким воском, которым Андрей натирал тетиву и ножны, и морозным ветром, непрерывно струящимся из узкого, похожего на бойницу окна. На стенах висели тренировочные клинки, тяжёлые кольчуги и топоры пограничников, покрытые старыми зазубринами.

Линь Хэ обычно устраивалась на невысоком деревянном табурете у стола. Нарочито медленно, стараясь унять внутреннюю дрожь, она лениво перебирала сухие стебли луноцвета — редкой травы, чья ци должна была маскировать её собственные ядовитые эманации. Андрей молча точил свой тяжёлый пограничный клинок. Металлический, шуршащий звук бруска о сталь мерно разрезал тишину комнаты. Он работал сосредоточенно, но Линь Хэ то и дело ловила на себе его тяжёлые, пронзительные, темные взгляды. В этих взглядах не было рабской покорности Шэня; в них читался голод сильного хищника, который сдерживает себя из последних сил.

Между ними то и дело возникали странные, щемящие, почти болезненные паузы, когда слова становились ненужными, а воздух вокруг словно густел. Иногда, передавая ему очередной свиток с записями о свойствах сталец или глиняную ступку с растительным порошком для чистки ножен, Линь Хэ случайно задевала его горячие, мозолистые от меча пальцы. И в этот миг по её коже с треском пробегала настоящая волна электрического тока. Каналы ци испуганно и радостно сжимались.

Это были неловкие, робкие прикосновения, за которыми почти всегда следовали такие же неловкие, укромные поцелуи в густой темноте длинных, холодных коридоров резиденции, когда они проверяли, не вернулся ли Шэнь. Когда его жёсткие, обветренные на северном ветру губы едва касались её фарфоровой, бледной щеки, у Линь Хэ перехватывало дыхание. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. И это ощущение новизны, этой настоящей, чистой опасности захватывало её намного сильнее, чем вся яростная, бурная физиология приворота в её тесной камерке алхимика, где всё было пропитано магическим принуждением. С Андреем она чувствовала себя живой. По-настоящему живой.

В один из таких тихих, глухих зимних вечеров, когда за узким окном оружейной с особой яростью завывала метель, швыряя в стекло пригоршни ледяной крупы, Андрей вдруг остановился. Он отложил точильный камень в сторону. Металл звонко, отчетливо звякнул о гранитную столешницу, заставив Линь Хэ вздрогнуть от неожиданности и поднять глаза от сухих трав.

Андрей долго, немигающе смотрел на колеблющееся фиолетовое пламя свечи, стоявшей между ними. Его профиль казался высеченным из камня, суровые морщины у губ залегли глубже обычного. А затем он резко, порывисто, но удивительно бережно перехватил её ладони, сжав их в своих огромных, горячих руках. Линь Хэ попыталась отнять пальцы, испугавшись этой внезапной интенсивности, но его хватка была железной. На его суровом, обветренном лице, закалённом в жестоких северных стычках с кочевниками, не было привычной маски безразличия или профессиональной отстраненности гвардейца. Там было что-то другое. Что-то пугающее и мощное.

— Хватит перебирать эти травы, Линь Хэ, — тихо, но удивительно твёрдо произнёс он. Его голос, обычно резкий и командный, сейчас звучал низко, с хрипотой. Он смотрел на неё снизу вверх, так как сидел на более низком ящике для оружия, но от этого его взгляд не терял своей силы. — Посмотри на меня. Пожалуйста.

Линь Хэ замерла, её дыхание остановилось. Её пальцы слегка дрогнули внутри его горячих, шершавых ладоней, но она не смогла отвести взгляд. Воздух в оружейной комнате словно превратился в жидкое, тягучее золото, которое мешало дышать и сковывало движения. Она видела каждую черточку его лица, каждую зазубрину на его воротнике.

— Что такое, Андрей?.. — её голос прозвучал почти шёпотом, теряясь в непрерывном свисте ветра за окном. Она изо всех сил пыталась сохранить маску спокойствия, но сердце колотилось как безумное. — Ты сегодня непривычно молчалив. Что-то случилось на плацу Гвардии? Наставники снова недовольны дисциплиной?

— На плацу всё как всегда, — Андрей медленно качнул головой, не отрывая от неё своих серых, стальных глаз. Его хриплый, низкий голос слегка задрожал, и эта непривычная, пугающая слабость сильного, опытного воина заставила её сердце забиться ещё быстрее, до боли в ребрах. — Случилось то, что я больше не могу лгать. Не могу лгать себе, не могу лгать тебе, не могу лгать этой проклятой системе, в которой мы все увязли. Я слишком долго молчал, Линь Хэ. Годами прятал это дерьмо внутри себя, пока Гвардия гоняла нас по ледяным рубежам Империи, пока мы гибли в снегах под стрелами дикарей. Но этот месяц... эта твоя внезапная близость, эти твои приходы сюда... они просто сводят меня с ума. Я должен признаться, пока я окончательно не потерял рассудок. Я никогда... слышишь меня, Линь Хэ? Я никогда и никого в этой проклятой, гнилой жизни не любил так, кроме тебя.

Линь Хэ почувствовала, как по её энергетическим меридианам с оглушительным ревом ударила горячая, неудержимая волна ци, начисто выбивая весь воздух из лёгких. В голове помутилось. Это было не просто признание — это был взрыв, который ломал всю их идеальную схему обмана. Она попыталась отвести взгляд, разорвать этот зрительный контакт, повернуться к выходу, но его серые, стальные, лихорадочно блестящие глаза держали её намертво, словно гвардейские цепи.

— Но как же... как же Айрис? — сорвалось с её губ прежде, чем она успела подумать о последствиях, прежде чем логика алхимика вернулась к ней. — Вы ведь... вы ведь были вместе столько лет, Андрей... Она... она отдавала тебе всю свою ци, Андрей. Всю свою душу.

Андрей горько, почти хищно усмехнулся, сильнее сжимая её пальцы, словно боялся, что она вырвется и исчезнет в морозной темноте, растворившись среди воющих за окном призраков метели.

— Айрис? — он качнул дорогой гвардейской шинелью, и в его голосе проступила леденящая, пугающая честность. — Именно поэтому я физически не мог общаться с ней, Линь Хэ. Моя ци отторгала её с самого первого дня, как бы она ни старалась. Я задыхался рядом с ней. Её светлая, безупречная, правильная энергия казалась мне фальшивой, удушливой липкой сетью, которая высасывала из меня жизнь. Я терпел её присутствие и эти её нежно-розо-

вые шелка только по одной причине — потому что она была твоей подругой. Только для того, чтобы иметь законный повод приходить в Обитель Траволечения и изредка видеть тебя в её тени. Моё сердце — не кусок северного льда, как треплется на курсе завистницы. Оно просто всегда, с самого первого нашего взгляда на площади, было занято тобой. Я ждал только тебя, Линь Хэ. И то, что сейчас ты здесь... со мной... на моей половине — это единственное, что имеет смысл во всей этой вселенной.

Эти слова ударили её наотмашь, заставляя всю прошлую обиду на родителей, Фэна и социальный ад Обители Ядов окончательно осыпаться серым прахом

Линь Хэ зажмурилась, растворяясь в его признании и позволяя ему потянуть себя на себя, прижать к своей широкой, пахнущей сталью и зимней свежестью груди. Ей казалось, что после долгих скитаний по кругам позора она наконец-то нашла свою настоящую, тихую гавань.

АКТ II. ОСКОЛКИ ГВАРДЕЙСКОЙ ЧЕСТИ И СТРАХ ПЕРЕД БЕЗДНОЙ

Линь Хэ лежала на его груди, боясь сделать даже самый мизерный, поверхностный вдох. Сердце Андрея под плотным форменным сукном мундира стучало ровно, тяжело и мощно, словно огромный боевой барабан гвардейского авангарда. Этот ритм должен был успокаивать, но сейчас он вызывал у неё лишь нарастающее чувство панического ужаса.

Каждая секунда, проведённая в его объятиях, затягивала узел лжи на её шее до кровавых ссадин. Колесо Судьбы, которое они так легкомысленно крутанули на обледенелых ступенях башни, набрало такую скорость, что теперь готово было раздавить их всех в мелкую крошку.

Она чувствовала, как его большие, горячие ладони медленно, бережно поглаживают её по спине, проходясь вдоль позвоночника. Гвардеец, привыкший убивать врагов Империи одним точным ударом меча, сейчас обращался с ней как с хрупким, бесценным сосудом из тончайшего императорского фарфора. И эта контрастная, непривычная нежность сильного мужчины пугала Линь Хэ сильнее, чем весь социальный ад, устроенный сокурсниками на факультете ядов.

— Андрей... — наконец выдохнула она, уткнувшись лбом в его жёсткое плечо, чтобы он не видел лихорадочного блеска её глаз. — Ты не понимаешь, во что мы ввязываемся. Это не просто интрижка в стенах Академии. Если Наставники или Императорская Гвардия узнают о нашей рокировке... если Айрис...

— Плевать на Гвардию, — глухо отрезал он, и его пальцы на её талии сжались чуть сильнее, заставляя её в её каналах испуганно замереть. — Плевать на правила Обителей. Я слишком долго жил чужой жизнью, Линь Хэ. Каждый день, возвращаясь со смены у ворот, я видел Айрис в своей комнате. Её нежно-розовые шелка, её заботливые разговоры, её целительские отвары — всё это душило меня. Я чувствовал себя преступником, потому что не мог дать ей то, чего она требовала. Моя ци буквально была от голода, требуя твоего ядовитого, дикого огня. Я не вернусь к ней. Даже если ты сейчас встанешь и уйдёшь, заперев эту дверь навсегда — к ней я больше не прикаснусь.

Слова Андрея ломали последнюю психологическую защиту Линь Хэ. Она ведь шла сюда совсем за другим. Она искала адреналина, искала временного убежища от фальшивой, удушающей преданности Шэня, чьи чувства были лишь результатом извращённого Кровного Приворота [10.4]. Ей нужен был запретный азарт, чтобы заглушить боль от бойкота сокурсников. Она думала, что это просто циничная игра двух разочарованных подруг. Но Андрей не играл. Он любил её — по-настоящему, дико, глубоко и разрушительно. И это была честная любовь сильного воина, которая требовала ответа.

Внутренняя паранойя Линь Хэ разрасталась с каждым мгновением. За стеной, всего в паре десятков шагов по общему коридору, находились покои Шэня. Шэня, которого она жестоко, со скандалом вышвырнула из своей каморки всего неделю назад, разбив его сердце. Шэня, который сейчас, возможно, сидел один в темноте, сгорая от боли Кровного Приво-

рота, не понимая, за что его хозяйка так безжалостно оттолкнула его. И прямо сейчас к нему должна была прийти Айрис. Айрис, которая надеялась согреться в лучах чужой, привороженной любви.

Линь Хэ зажмурилась, и перед её мысленным взором предстала картина их заговора. Две целительницы, пьяные от дешёвого эля и отчаяния, делящие мужчин как вещи. *«Что мы натворили? — пронеслось в её голове. — Мы ведь соткали паутину, из которой никто не выберется живым».*

Она медленно отстранилась от Андрея, глядя в его серые, стальные глаза. В них горел тот самый огонь, который она так долго искала, но сейчас этот огонь грозил сжечь всю её жизнь дотла.

— Мне пора идти, Андрей, — тихо произнесла она, заставляя свой голос звучать ровно, хотя внутри всё дрожало от напряжения. — Шэнь скоро вернётся с ночного патруля. Если он застанет меня здесь... на твоей половине... узел затянется окончательно.

Андрей долго смотрел на неё, не отпуская её рук. В его взгляде читалась тяжёлая, давящая неохота, но дисциплина гвардейца взяла верх. Он медленно разжал пальцы, позволяя ей сделать шаг назад, в холодный полумрак оружейной комнаты.

— Возвращайся в свою обитель, Линь Хэ, — тихо, с трудом сдерживая хрипоту, ответил он. — Но помни то, что я тебе сказал. Обратного пути нет. Ни для меня, ни для тебя.

Линь Хэ порывисто накинула на плечи свой тёмный плащ, пахнувший сушёными травами и горькими алхимическими реагентами, и бесшумно выскользнула из его покоев. Направляясь к выходу из резиденции через длинный, холодный каменный коридор, она ещё не знала, что на другой половине дома прямо сейчас разворачивается настоящая трагедия, и Кровный Приворот уже начал собирать свою страшную дань.

АКТ III .ЛЕПЕЛ НА ЖЕСТКОМ ПОХОДНОМ МАТРАСЕ

А в это же самое время в уединённых, мрачных покоях Шэня атмосфера была накалена до предела. Айрис стояла у дубового стола, прижимая кулаки к груди, и её всю крупно трясло от унижения. Её нежно-розовые шелка, которые она с такой надеждой выбирала для этого вечера, казались ей сейчас чудовищным, нелепым маскарадным костюмом. Слова Шэня о том, что она для него — пустое место и пыль под сапогами, выжгли остатки её девичьей гордости.

Но в Айрис проснулось то самое пугающее, слепое упрямство, которое часто встречается у мягких с виду людей. Чем сильнее Шэнь отталкивал её, тем яростнее ей хотелось победить. Ей хотелось доказать всему миру, Наставникам, Андрею и особенно Линь Хэ, что она способна исцелить эту израненную душу, способна заставить его ци подчиниться. Она не понимала, что борется не с суровым характером мужчины, а с древним, слепым проклятием крови

Шэнь, накинув свой гвардейский плащ, широкими шагами вышел на тренировочный плац, оставив её одну в пустой, холодной комнате. Засов на двери за ним не защёлкнулся, и в образовавшуюся щель ворвался ледяной сквозняк, мгновенно остудив дымящуюся чашу с отваром женшенья. Поверхность жидкости покрылась тонкой, мутной плёнкой.

Айрис медленно подошла к его кровати — жёсткому, армейскому походному матрасу, застеленному грубым серым одеялом. Здесь всё пахло им — порохом, потом, честной гвардейской силой. Она опустилась на край постели, спрятав лицо в ладонях. Из глаз наконец хлынули горькие, гжучие слезы унижения.

«Почему? — кричало всё внутри неё. — Почему Андрей годами презирал мою ци, а теперь этот раб Линь Хэ смотрит на меня как на убийцу? Что во мне не так? Почему её ядовитая, тёмная энергия привлекает мужчин сильнее, чем мой чистый, исцеляющий свет?»

Она легла на его подушку, свернувшись калачиком, отчаянно пытаясь поймать остатки тепла его тела. Кровный Приворот, запечатанный в меридианах Шэня, оставил свой невидимый след и на этой постели. Айрис, будучи опытной целительницей, физически ощущала, как чужая, тёмная ци Линь Хэ буквально пропитала эти простыни. Это была ментальная ловушка, чужой капкан, в который она добровольно засунула голову. Но пути назад не было — Андрей признался Линь Хэ в любви, их прошлая жизнь была разрушена. Всё, что ей оставалось — это сидеть здесь, среди осколков чужого счастья, и ждать, пока Шэнь вернётся с обледенелого плаца, выжатый до предела, чтобы снова попытаться украсть каплю его привороженного тепла.

Узел обмана затянулся на их шеях окончательно, и теперь каждый вдох приносил героям только боль.

АКТ IV. ЗЕРКАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ГРЕХА И ТРЕЩИНЫ НА ЛЬДУ

На следующее утро столицу Поднебесной сковало окончательно. Метель, бушевавшая всю ночь, утихла, оставив после себя мёртвую, звенящую тишину и сугробы выше человеческого роста. Воздух между корпусами Академии был настолько прозрачным и морозным, что каждый вдох отзывался в груди покалыванием сотен мелких ледяных игл.

Линь Хэ стояла у массивного гранитного умывальника в переходе между Обителью Боевых Ядов и Главной галереей. Её руки, всё ещё хранившие фантомное ощущение железной хватки Андрея, подрагивали, когда она опускала их в ледяную воду. Кожа на запястьях, где остались бледные синяки от его грубых, яростных ласк, горела. Всю прошлую ночь она не спала ни секунды. В её ушах набатом звучал хриплый, срывающийся голос пограничного мечника: *«Я никогда и никого в этой ублюдочной жизни не любил, кроме тебя»*.

Это признание, которое должно было стать её триумфом над прошлым, над социальной изоляцией и бойкотом факультета, теперь казалось неподъёмным надгробием. Она ведь искала лишь глоток свободы от Кровного Приворота Шэня, мимолётную искру адреналина на краю пропасти. А наткнулась на первобытную, ломающую судьбы истинную любовь мужчины, который ради неё был готов сжечь свою гвардейскую честь. И эта честность пугала алхимика до судорог в меридианах.

Скрип тяжёлой дубовой двери заставил Линь Хэ вздрогнуть и мгновенно спрятать руки под полы тёмного плаща.

В галерею вошла Айрис.

Линь Хэ замерла, её дыхание перехватило. Подруга детства выглядела так, словно только что вернулась с поля проигранной битвы. Её бледное лицо казалось прозрачным в утреннем свете, под глазами залегли глубокие, серые тени, а губы были искусаны до мелких, запёкшихся кровавых корочек. На ней по-прежнему были те самые нежно-розовые шелка Обители Траволечения, но теперь они висели на её похудевших плечах грязным, измятым саваном, впитавшим в себя холод ночной бури и терпкий, чужой запах гвардейских покоев Шэня.

Они посмотрели друг другу прямо в глаза. Пространство между ними словно превратилось в зеркальную поверхность, готовую треснуть от малейшего звука. В этом взгляде не было прежней девичьей нежности или общих секретов. В нём плескалось тяжёлое, грязное, взаимное знание их общего греха. Каждая из них знала, где другая провела эту ночь. Каждая из них несла на себе следы чужого мужчины, которого они так цинично украли друг у друга.

— Ты... бледная, Линь Хэ, — тихо, со странным, свистящим придыханием произнесла Айрис, останавливаясь в нескольких шагах. Её голос звучал мёртво, полностью лишённый прежней живой интонации. — Твои яды снова выжигают твою ци? Или этой ночью кто-то выпил её до дна на жёстком походном матрасе?

Слова Айрис ударили Линь Хэ в самое сердце, но она не позволила маске алхимика соскользнуть с лица. Обида на факультете научила её держать удар. Она медленно выпрямилась, упираясь ладонями в холодный край гранитного умывальника.

— Моя ци в порядке, Айрис, — ледяным, демонстративно равнодушным тоном ответила она, глядя на то, как подрагивают пальцы подруги. — А вот твои шелка... они пахнут не лечебными травами. От тебя за версту несёт гарью тренировочного плаца и порохом. Твой согревающий отвар помог Шэню? Или его Кровные Узы снова вывернули тебя наизнанку, напомнив, кто на самом деле является его хозяйкой?

Айрис резко отшатнулась, словно её ударили хлыстом по лицу. На её белых щеках на секунду проступили уродливые, багровые пятна уязвлённой гордости. Воспоминание о том, как Шэнь назвал её «пустым местом» и вышвырнул из комнаты, едва не заставило её закричать от унижения прямо здесь, в коридоре Академии. Но она лишь сильнее сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони до новых ссадин.

— Он примет меня, Линь Хэ, — прошипела Айрис, и в её обычно мягких глазах целительницы полыхнула безумная, пугающая фанатичная искра. — Рано или поздно его магия сломается. Я найду способ выжечь твою тёмную ци из его меридианов. У него никого нет, кроме меня. А вот Андрей... Андрей никогда не посмотрит на тебя как на человека. Для него ты просто временная вспышка, ядовитый туман, который рассеется с первыми лучами солнца. Он вернётся ко мне, когда устанет от твоей грязи.

Линь Хэ хотела рассмеяться ей в лицо — горько, торжествуя, швырнув в неё ночным признанием Андрея. Ей хотелось закричать, что её мечник никогда не любил Айрис, что её светлая энергия его душила. Но страх сковал её язык. Если она скажет это, лабиринт обмана рухнет, погребая под своими обломками остатки их жизней. Узел, который они завязали на обледенелых ступенях башни, затянулся настолько туго, что теперь они были скованы одной цепью общих ночных кошмаров.

— Ну что ж, — мертвым, звенящим голосом ответила Линь Хэ, делая шаг мимо подруги. — Давай проверим эту судьбу, Айрис. Посмотрим, кто из нас сломается первой в этой резиденции.

Она прошла мимо, едва не задев её плечом, и Айрис не сделала ни единого движения, чтобы её остановить. Две бывшие подруги, ставшие зеркальными отражениями порока друг друга, разошлись по своим обителям, унося в груди тлеющие угли новой, неизбежной катастрофы. Колесо Судьбы сделало свой очередной, необратимый оборот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.